

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.112.2.08

ББК 83.3(4Гем)+83.07+83.011.7

Н 59

DOI: 10.53598/2410-3489-2024-2-337-89-96

ЯЗЫК РОМАНА Э. М. РЕМАРКА «LIEBE DEINEN NÄCHSTEN»: СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

(Рецензирована)

Юрий Петрович НЕЧАЙ

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
nechay_ur@mail.ru

Надежда Олеговна ЛИНКЕ

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
linke16@list.ru

Аннотация. На материале художественных текстов романа Э. М. Ремарка проводится функциональный анализ таких средств выразительности, как сравнение, гипербола, литоты и олицетворения, в оригинале и пути их реализации в русских переводах. Отмечается, что при трансформации художественного текста на другой язык от переводчика требуется создание на другом языке аналога, который по речевому воздействию на слушателя и его реакции идентичен оригиналу. Установлено, что отмеченные средства могут выражаться фонологическими, морфологическими, лексическими и синтаксическими средствами. Констатируется, что лингвистический анализ оригинала и его русских переводов позволил увидеть предложенные способы решения эквивалентности, уровень ее воссоздания и сохранения национальной окраски.

Ключевые слова: Художественный текст, перевод, выразительные средства, связующий элемент, экспрессивность высказывания, семантическая адекватность, грамматическая модификация, олицетворение.

Для цитирования: Нечай Ю. П., Линке Н. О. Язык романа Э. М. Ремарка «Liebe Deinen Nächsten»: стратегии достижения эквивалентности при переводе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. : Филология и искусствоведение. 2024. Вып. 2 (337). С. 89–96. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-2-337-89-96.

ORIGINAL RESEARCH PAPER

THE LANGUAGE OF THE NOVEL "LIEBE DEINEN NÄCHSTEN": BY E.M. REMARQUE: STRATEGIES FOR ACHIEVING TRANSLATION EQUIVALENCE

(Reviewed)

Yuri P. NECHAY

Kuban State University, Krasnodar, Russia
nechay_ur@mail.ru

Nadezhda O. LINKE

Kuban State University, Krasnodar, Russia
link16@list.ru

Abstract. Based on the literary texts of the novel by E. M. Remarque, the authors conduct a functional analysis of such means of expression as comparison, hyperbole, litotes and personification in the original language and the ways of their implementation in Russian translations. It is noted that when transforming a literary text into another language, the translator is required to create an analogue in another language, which is identical to the original in terms of speech impact on the listener and their reaction. It has been established that the noted means can be expressed by phonological, morphological, lexical and syntactic means. It is stated that the linguistic analysis of the original and its Russian translations made it possible to see the proposed methods for solving equivalence, the level of its reconstruction and the preservation of national coloring.

Keywords: literary text, translation, means of expression, connecting element, expressiveness of the statement, semantic adequacy, grammatical modification, personification.

For citation: Nechay Yu. P., Linke N. O. The language of the novel "Liebe Deinen Nächsten" by E. M. Remarque: strategies for achieving translation equivalence // Bulletin of Adyghe State University, Ser.: Philology and Art Criticism, 2024. No. 2 (337). P. 89–96. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-2-337-89-96.

Введение

Романы немецкого писателя Э. М. Ремарка широко и доступно раскрывают перед читателем реальные картины, связанные с Первой и Второй мировыми войнами и гнетущей атмосферой европейской жизни. Будучи непосредственным свидетелем и участником многих событий, писатель представляет многочисленные события тех лет на страницах своих романов, к которым, даже по прошествии многих десятков лет после выхода в свет, не иссякает огромный интерес читателей и переводчиков во многих странах мира.

Действие романа «Возлюби ближнего своего» / «Liebe Deinen Nächsten» разворачивается после прихода нацистов к власти в Германии. Главные герои романа — немецкий эмигрант, полуеврей Людвиг Керн, немка Рут Голланд, а также не признавший партию нацистов и вынужденный эмигрировать из фашистского логова немец Йозеф Штайнер. Писатель подробно повествует о тяжелой жизни эмигрантов, выживающих только благодаря обходной помощи даже после бегства за пределы родной страны. Им всем приходится постоянно менять места проживания, чтобы избежать ареста местной полицией. Роман завершается отъездом Рут Голланд и Людвиг Керна в Мексику, возвращением Йозефа Штайнера в фашистскую Германию к прикованной к постели жене и его последующий арест. Само содержание романа вызывает у читателя глубокий эмоциональный отклик, заставляет его проникнуться их судьбами и сопереживать вместе им.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования и описания выбран известный роман писателя «Liebe Deinen Nächsten» / «Возлюби ближнего своего» и его трансформации на русский язык, выполненные в разные периоды времени отечественными переводчиками Е. Никаевым в 1992 и И. Шрайбером в 1998 годах.

В работе использованы методы сплошной выборки и моделирования, контекстуального и стилистического анализа, описательный метод.

Обсуждение

Художественный текст создается с целью объективировать мысль автора, воплотить его творческий замысел, передать знания и представления о человеке и мире. Важнейшим составляющим структуры текстовой (речемыслительной) деятельности, кроме самого текста, являются автор, реципиент, отображаемая действительность, знания о которой передаются автором, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие ему воплотить свой творческий замысел [1: 35].

Перевод же художественного текста («Перевод, сохраняющий тонкости содержания иноязычного текста, его образную систему, сделанный с учетом семантических

и выразительных возможностей и особенностей как языка-источника, так и языка-объекта [2: 275]) представляет собой не только сложный и многосторонний вид мыслительной деятельности человека, но и контакт двух языков, культур, традиций и установок.

При трансформации художественного текста на другой язык от переводчика требуется создание на другом языке произведения, которое по речевому воздействию на слушателя и его реакции идентично оригиналу. Такой уровень воздействия достижим только при широком исследовании переводческого потенциала, который применяется при передаче содержания художественных текстов на другой язык, что и обуславливает актуальность данного исследования. Лингвистический анализ художественных текстов романа «Возлюби ближнего своего» позволяет заключить, что значительное место в них занимает сравнение («троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака» [2: 459]), реализация которого осуществляется синтаксическими, морфологическими и лексическими единицами. Связующим элементом похожих, одинаковых или уподобляемых объектов при этом выступают союзы *wie* и *als / как*. Характерно и то, что в контексте в результате частичного сравнения сходства объектов происходит сужение семантики этих союзов и недопущение полной их взаимозаменяемости. В последующем примере употребление сравнения способствует усилению экспрессивности высказывания на синтаксическом и лексическом уровнях в целом: *Blumen, sagte sie, Rosen! Ich reise ab wie ein Filmstar* [3: 161]. / Цветы, — сказала она. Розы! Ты провожаешь меня, как настоящую кинозвезду [4: 212]. / Цветы, — сказала она. Розы. Меня провожают, как кинозвезду [4: 206]. Анализ вариантов русских переводов позволяет отметить их полную семантическую адекватность немецкому оригиналу, тем не менее, перевод И. Шрайбера по эмоциональной напряженности ближе к оригиналу, поскольку в нем сохранено восклицательное предложение «Розы!». У Е. Никаева оно представлено в виде повествовательного высказывания. Эмоциональная близость к немецкому варианту сохранена и вследствие усиления существительного *кинозвезда* эпитетом *настоящий*. Е. Никаев же передает личное отношение к данной ситуации, выравнивая эмоциональный фон героини, в то время как И. Шрайбер следует ее внутреннему миру, соблюдая условия экспрессивного высказывания.

Семантическая адекватность переводов на русский язык прослеживается и в следующем примере: *Und? Fühlst du dich wie ein Mörder, was?* [3: 19]. / Ну и как? Чувствуешь себя убийцей? [4: 26]. / Ну и как? Чувствуешь себя убийцей, правда? [5: 23]. Штайнер пытается иронизировать по поводу пребывания в тюрьме, для него это мелочь и пустяк, о чем свидетельствует его ненавязчивый вопрос с использованием сравнения *wie ein Mörder*. Однако Е. Никаеву удается сохранить имманентную форму утвердительно-вопросительного предложения: *...правда?*

Нельзя не отметить и тот факт, что в некоторых случаях переводчик намеренно избегает трансформировать сравнение с помощью союза *как*, это связано с поиском адекватности. При этом перевод создается благодаря замене одной части речи из первоисточника на другую, например: *Er stand in seinem weißen Unterzug wie ein müdes, freundliches Gespenst im halbdunklen Zimmer und sprach die Verse des Wiegenliedes langsam, mit monotoner Stimme vor sich hin, die erloschenen Augen in die Nacht vor dem Fenster gerichtet* [3: 108]. / В полумраке комнаты Рабе, сидевший в одном белье, казался каким-то усталым и добрым привидением. Медленным, монотонным голосом он произносил слова колыбельной, уставив потухшие глаза в ночь, раскинувшуюся за окном [4: 140]. / Он стоял в полутемной комнате в белом нижнем белье, словно усталый приветливый призрак, и читал стихи — медленно, монотонно, глядя погасшими глазами в ночь за окном [5: 136].

В примере у И. Шрайбера использованы опущение и замены: ... казался каким-то усталым и добрым привидением. Присутствием возвратного глагола *казаться* в страдательном залоге переводчик незримо вводит действующее лицо, побуждающее сочувствовать герою Рабе. Е. Никаев же использует союз *словно* и стремится к синтаксическому соответствию оригиналу, констатируя ситуацию как бы с позиции стороннего наблюдателя.

Трансформация сравнений на русский язык иногда затрудняется присутствием лексических единиц, которые имеют одно значение, при переводе же на русский язык приобретают несколько значений: *Der Himmel hinter den Häusern wich zurück, er wurde heller und weiter und durchsichtig blau, aber die Verhafteten standen dunkel auf den Wagen wie Weiden im Herbstregen* [3: 10]. / Небо за домами отступило, стало светлым, широким и прозрачно-голубым. Арестованные вырисовывались на машинах темными силуэтами, словно ивы под осенним дождем» [4: 13]. / Небо за домами отходило назад, оно светлело, становилось прозрачным и необъятным; арестованные стояли в машине мрачные, словно колосья пшеницы под осенним дождем» [5: 11]. В данном примере при переводе тропа мнения переводчиков не совпадают. Лексема *Weide* переводится как «выгон», «пастбище» или «ива, верба». Оценка правильности передачи исходного варианта в данном случае довольно затруднительна. Общий смысл рассматриваемого тропа обоим переводчикам передать удастся, тем не менее, затруднение вызывает предмет сравнения арестованных: *ивы* или же *колосья пшеницы*. Е. Никаев использует уточнение, которое позволяет читателю увидеть масштаб ничтожности и бессилия людей, оказавшихся в руках полиции, И. Шрайбер же ставит во главу угла сложность ситуации, в которой оказались арестанты, их внутреннее подавленное состояние.

Немаловажная роль в реализации экспрессивности в художественных текстах отводится и *гиперболе* (образное выражение, содержащее непомерное преувеличение размера, силы, значения и т.д. какого-либо предмета, явления [2: 71]).

Намеренно преувеличенное представление об объекте или ситуации часто относится к числовой, временной гиперболе: *Sind Sie schon lange draußen? Zwei Monate. Das ist nicht lange. Das ist endlos.* [3: 89]. / Давно уже вы из дому? — спросил он. Два месяца. Это немного. Это бесконечно много [4: 116]. / Вы уже давно на чужбине? — спросил он. Два месяца. Немного. Это целая вечность [5: 113]. Каждый из переводчиков по-своему понимает и реализует семантическое наполнение гиперболы в ответной реплике. И. Шрайберу удастся добиться частичной эквивалентности оригиналу благодаря усилению ее словосочетанием *бесконечно много*, в то время как Е. Никаев проводит грамматическую модификацию с помощью фразеологизма *целая вечность*, который оказывает более сильное эмоциональное воздействие на читателя. Из сказанного следует, что гиперболизация временного промежутка в приведенном контексте придает особый контраст пребыванию эмигранта дома или на чужбине.

Анализ текстов позволяет отметить и случаи присутствия эмоционально окрашенных, гиперболизированных высказываний, которые используются героями в ситуациях определенного воздействия на собеседника. Например, употребив неправильно имя женщины, герой быстро находит слова, чтобы исправить неловкую ситуацию, и выражает их в виде: *...Ich heiÙe übrigens nicht Luise. Ich heiÙe Therese. Therese ist ein Traum!* [3: 70]. / Между прочим, меня зовут не Луиза. Меня зовут Тереза. Тереза! Не имя, а мечта! [4: 89]. / Кстати, меня зовут не Луиза. Меня зовут Тереза. Тереза! Не имя, а мечта! [5: 87]. Оба переводчика довольно адекватно реализуют экспрессивное значение гиперболы в ответной реплике, используя противительный союз *а* в сочетании с отрицанием *не*, достигая особого контраста, подчеркивающего, тем самым, важность имени *Тереза*.

Отдельного внимания заслуживает досуг героев романа, а именно курение. В целях достижения наиболее яркой художественной выразительности Э. М. Ремарк оперирует такими репликами, которые эксплицируют всю важность этого процесса: *Das ist schon fast dasselbe, als hätte man sich seine Lebensgeschichte erzählt* [3: 89]. / *Считайте, что каждый из нас рассказал другому историю своей жизни* [4: 115]. / *Сказать, что вы курите такие же — значит рассказать всю свою историю* [5: 112]. В данном фрагменте эмоциональное значение утверждения, выраженное гиперболой, в русских вариантах приближено к оригиналу. Перевод Е. Никаева в большей степени эквивалентен оригиналу, поскольку отражает приближенный способ перевода грамматического соответствия. И. Шрайбер же прибегает к переводческим трансформациям, полностью меняет лексико-синтаксическую структуру всего предложения, использует уточнение, проигнорированное Е. Никаевым, «историю своей жизни», что акцентирует внимание читателя на лексеме *жизнь*, а не на слове *история*.

Другим примером гиперболы является высказывание одного из героев в кругу близких ему людей: *Jemand hat mir einmal gesagt, eine Zigarette im richtigen Augenblick wäre besser alle Ideale der Welt* [3: 91]. / *Кто-то однажды сказал, бывают минуты, когда сигарета дороже любых идеалов* [4: 119]. / *Как-то мне сказали, что сигарета в нужную минуту лучше, чем все идеалы мира* [5: 87]. Перевод Е. Никаева имплицитно бóльшую степень эквивалентности, а гипербола сохраняет экспрессивное значение, что проявляется на синтаксическом, лексическом и грамматическом уровнях — (...что сигарета в нужную минуту лучше, чем все идеалы мира). Перевод И. Шрайбера несколько разнится с оригиналом вследствие реконструкции синтаксического построения, замены лексемы *besser* и опущения целого высказывания: *бывают минуты, когда сигарета дороже любых идеалов*.

В текстах романа и его переводов довольно часто имеет место противоположный по своей имманентной сущности троп — обратная гипербола или литота (образное выражение, содержащее непомерное преуменьшение размера, силы, значения и т.д. какого-либо предмета, явления [2: 166]). Механизм экспликации литоты заключается в преуменьшении значения описываемого предмета. Например, Штайнер иронично называет Людвига Керна ребенком, так как тот младше и обладает гораздо меньшим жизненным опытом: *So, Baby, da sind wir. Jetzt werden wir dir zunächst einmal eine Art Bett zaubern* [3: 187]. / *Вот мы и пришли, малыш. Сначала организуем для тебя что-то вроде постели* [4: 249]. / *Ну, мальчик, вот мы и пришли. В первую очередь мы соорудим тебе нечто вроде кровати* [5: 242]. Вариант перевода И. Шрайбера более приближен к оригиналу и сохраняет не только грамматическое соответствие слова *Baby*, но и более эмоциональное, душевное обращение к другу. Е. Никаев же уходит от прямого перевода лексемы, подчеркивает зрелый возраст Керна, но уменьшает, тем самым, иронический эффект, заложенный автором в обращении.

Подобного рода эффект наблюдается и в последующем примере, где Е. Никаев не выражает в высказывании героя повышенный уровень эмоционального состояния и создает, тем самым, нейтральную позицию вследствие сохранения авторской литоты: *Zeit zum Schlafen. Bist doch müde, Kleiner, was?* [3: 189]. / *Пора спать. Ты ведь очень устал, Людвиг, верно?* [4: 252] / *Время спать. Ты устал, мальчик, правда?* [5: 245]. И. Шрайбер уходит от перевода тропа, использует переводческую трансформацию, которая полностью меняет сущность лексемы *Kleiner*. Нельзя не отметить и тот факт, что при переводе особую роль играет контекст, который сохраняет необходимые лексико-семантические связи, позволяя читателю не терять основное содержание. В приведенном примере И. Шрайбер опускает лексему *Kleiner* / *малыш*, а использует вместо нее имя героя.

Значительное несоответствие отмечается и в последующем примере: *Den Weg der Grenzwanzen. Von Gebüsch zu Gebüsch* [3: 35]. / *Поскачу, как все пограничные кузнечики: от куста к кусту* [4: 44]. / *По дороге пограничных клопов. От куста к кусту* [5: 42]. На вопрос женщины, которая интересуется дальнейшими планами героя, следует метафорический ответ: *Den Weg der Grenzwanzen*. Он пренебрегает собой и преуменьшает значимость ответной реплики, которую хотела бы услышать женщина. Е. Никаев в своем варианте добивается адекватной передачи значения лексемы. Это позволяет ему придать словам говорящего некий оттенок пренебрежения. И. Шрайбер путем замены лексемы *Grenzwanzen*, выражающей в русском языке паразитирующее кровососущее насекомое, на *кузнечиков*, делает ответ героя нейтральным и снижает тем самым чувство отвращения, заложенное в оригинале.

В романе отмечаются и случаи преуменьшения событий, которые, на первый взгляд, изначально включают в себя масштабность, бедствие, горе: *Die Cholera rotten wir aus — dabei ist das eine harmlose Krankheit gegen ein bisschen Krieg* [3: 135]. / *Вот, например, холеру мы искореняем. Но ведь в сравнении с войной, пусть даже самой небольшой, холера — совсем безобидное заболевание* [4: 176]. / *Холеру мы искоренили, а ведь это — безобидное явление по сравнению с небольшой войной* [5: 172]. В приведенном примере герой вспоминает одну из вспышек холеры и отмечает ее «безобидность». В переводах отмечается значительное смысловое соответствие оригиналу, поскольку их трансформации изначально преследуют цель сохранения заложенного в оригинале уровня выразительности. Тем не менее, перевод Е. Никаева благодаря синтаксической структуре предложения, его семантическому наполнению и непринужденному высказыванию говорящего семантически и модально сближается с оригиналом и воспринимается читателем намного естественнее и с большей эмоциональностью.

Присутствие литоты отмечается и в размышлениях героев, в их внутренних монологах, например, Людвиг Керн чувствует свое бессилие и слабость в окружающем мире. Его размышления пропитаны мрачными красками, в которых он сам — ничтожество, ничего не значащее жалкое существо: *Um dieselbe Zeit würde die Dunkelheit dicht über den Wäldern und Feldern an der Grenze liegen, die Dunkelheit, die Fremde, die Angst, und verloren darin, allein, stolpernd, müde, mit Sehnsucht nach Menschen und Angst vor Menschen, das winzige, flackernde Fünkchen Leben Ludwig Kern* [3: 31]. / *В этот же час леса и поля у границы будут окутаны густым мраком... Мрак, чужбина, страх. И, затерянный среди всего этого, одинокий, спотыкающийся, усталый, томящийся по людям и боящийся их, будет брести он, Людвиг Керн, крохотная мерцающая искорка жизни* [4: 40]. / *В это время на леса и поля у границы опустится глубокая ночь, кругом темнота, неизвестность, страх и затерявшаяся в огромном мире, спотыкающаяся, усталая, тоскующая по людям и боящаяся людей, крошечная искорка жизни — Людвиг Керн* [5: 37]. В данном фрагменте И. Шрайбер придерживается лексического соответствия (*крохотная мерцающая искорка жизни*), не забывая об адекватности текста. Для перевода Е. Никаева характерен синтагматический план. Для особого акцента тире отделяет имя и фамилию героя. В обоих русских вариантах роль используемого тропа достаточно экспрессивна. В предложении меняется только позиция ключевого слова в предложении, что способствует сближению с оригиналом.

В текстах романа имеют место также эпизоды, в которых литота сочетается с другими средствами художественной выразительности, например, с эпитетом, сравнением или с антитезой. Например, в последующем фрагменте автор романа с помощью такого рода средств реализует картину инфантильности взрослого человека: *Und nun sah er einen verbitterten Menschen da sitzen, der ihm, obwohl er sicher fünfzehn Jahre älter war als er, vorkam wie ein eigensinniges Kind* [3: 60]. / *И вот передо мной сидит*

ожесточенный мужчина, и пусть он на добрых пятнадцать лет старше меня, — все равно — я вижу в нем только капризного ребенка [4: 76]. / Но человек, сидевший перед ним, казался Керну озлобленным, упрямым ребенком несмотря на то, что был старше его по крайней мере лет на пятнадцать [5: 74]. Несмотря на то, что оба варианта достаточно адекватно реализуют данный троп, у Е. Никаева лексема *упрямый / eigensinnig*, усиленная прилагательным *озлобленный*, придает ему дополнительную выразительность. И. Шрайбер же использует несколько иную трансформацию, уходит от использования прямого значения слова *eigensinnig / своенравный* и употребляет прилагательное, соответствующее в большей мере для сочетания с существительным *ребенок*, что едва ли подходит для характеристики поведения взрослого человека.

В текстах романа довольно частотно встречается и олицетворение (троп, состоящий в приписывании неодушевленным предметам признаков и свойств живых существ [2: 241]), которое реализуется с помощью разных частей речи, например глагола: *Sie wateten durch den Fluss. Kern fühlte das Wasser kühl und geheimnisvoll an seinem Körper hochsteigen, als wollte es ihn nie mehr freigegeben* [3: 37]. / Они пошли вброд через реку. Керн чувствовал, как вода холодно и таинственно поднимается вверх по телу, словно хочет удержать его навсегда [4: 48]. / Они вошли в воду. Керн почувствовал, как она, холодная и таинственная, поднимается все выше и выше, окутывая тело, будто не собираясь его отпустить [5: 45]. В данном примере вода представлена в виде живого существа, пытающегося удержать главного героя и помешать его продвижению.

Оба перевода по эквивалентности значительно приближены к оригиналу. И. Шрайбер, используя антонимичный перевод, в котором лексема *nie / никогда* замещается лексемой *навсегда*, и реализует протяженность и константность определенного действия. Перевод в грамматическом и лексическом плане максимально приближен к семантическому и эмоциональному содержанию оригинала. Вариант Е. Никаева отличается от оригинала тем, что в нем троп получает добавления в виде *все выше и выше, окутывая тело, собираясь*, а отрицание *nie* опускается. Такого рода отступления от оригинала произведения создают атмосферу таинственности, тревоги, опасности. Олицетворение в переводе получает усиление, вследствие добавления причастного оборота *окутывая тело*, в то время как у И. Шрайбера оно обладает меньшей экспрессией.

Инструментом выражения олицетворения могут служить также прилагательные и существительные, несущие информацию о предмете и называющие его, например: *Sehen Sie da oben den blauen Bruder Mond — ein Emigrant der Erde. Und Mutter Erde selbst — eine alte Emigrantin des Sohns* [3: 142]. Взгляните на небо — вот месяц, наш бледнолицый брат. Он эмигрировал с Земли. Да и сама наша матушка Земля, и та старая эмигрантка, давно сбежавшая с Солнца [4: 186]. Взгляните-ка на небо. Видите эмигрантку Луну — нашу бледнолицую сестрицу? Да и матушка Земля в солнечной системе — тоже эмигрантка [5: 182]. Размышления эмигрантов представлены в виде олицетворения, люди, покинувшие родной дом, словно видят в природе поддержку и отраду, сравнивая ее с собственным положением. В контексте имеет место стилистическая и лексическая неравноценность трансформации. Перевод И. Шрайбера отличается большей эквивалентностью, поскольку в нем учитывается синтаксическая структура оригинала. Вербализуя олицетворение *ein Emigrant der Erde / Он эмигрировал с Земли*, И. Шрайбер использует добавление *eine alte Emigrantin der Sonne / и та старая эмигрантка, давно сбежавшая с Солнца*, и придает таким образом описанию особый художественный колорит. Е. Никаев же при передаче семантики прибегает к антонимии. В первом предложении выражение *Bruder Mond* отличается своей маскулинностью, поскольку лексема *Mond / луна, месяц* в немецком языке мужского

рода, как и лексема *Bruder* / брат. Переводчик учитывает особенности русского языка и переводит данное предложение, используя «женское олицетворение»: «*Видите эмигрантку Луну — нашу бледнолицую сестрицу?*». Такая переводческая трансформация имеет смысл, поскольку для носителя русского языка слово *Луна* женского рода. Троп претерпевает изменения и на синтаксическом уровне: повествовательное предложение оригинала реализуется вопросительным, вовлекает читателя в ситуацию и побуждает его невольно взглянуть на небо. При переводе олицетворения *Земля*, Е. Никаев, в отличие от И. Шрайбера, придерживается нейтрального стиля.

Заключение

Лингвистический анализ художественных текстов романа «*Liebe Deinen Nächsten*» позволяет констатировать, что реальные картины событий в романе разворачиваются после захвата нацистами власти в Германии, страшные последствия которого для всего человечества остаются актуальными и в наши дни, глубоко волнуют читателей во всем мире и вызывают огромный интерес у переводчиков. Трансформация содержания текстов на другой язык — многосторонний вид мыслительной деятельности человека, при осуществлении которого сталкиваются абсолютно неоднозначные культуры, склады мышления, уровни развития, традиции и установки. Художественная образность текста передается определенными средствами выразительности, в том числе и рассмотренными в исследовании сравнением, гиперболой, литотой и олицетворением. Лингвистический анализ оригинала и его русских переводов позволил увидеть предложенные способы решения эквивалентности, уровень ее воссоздания, а также сохранения национальной окраски.

Примечания:

- 1 *Горобец А. Ф.* Функции образного сравнения в текстах романов С. Моэма // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. : Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 4 (149). С. 35.
- 2 *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1976. 543 с.
- 3 *Remarque E. M.* *Liebe Deinen Nächsten*. Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1972. 453 S.
- 4 *Ремарк Э. М.* Возлюби ближнего своего / пер. с нем. Е. Никаева. Кишинев : Литература артистикэ, 2000. 709 с.
- 5 *Ремарк Э. М.* Возлюби ближнего своего / пер. с нем. И. Шрайбера. М. : Лексика, 1990. 317 с.

References:

- 1 *Gorobets A. F.* Functions of simile in the texts of novels by W. S. Maugham // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maykop, 2014. Iss. 4 (149). P. 35.
- 2 *Rosenthal D. E., Telenkova M. A.* Dictionary-reference book of linguistic terms: a manual for teachers. 2nd ed, rev. and enlarged. M.: Prosveshchenie, 1976. 543 p.
- 3 *Remarque E. M.* Love your neighbor. Köln: Kiepenheuer&Witsch, 1972. 453 p.
- 4 *Remarque E. M.* Love your neighbor / transl. from German by E. Nikaev. Chisinau: Literatura Artistike, 2000. 709 p.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024;
принята к публикации 14.06.2024.

The paper was submitted 27.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024;
accepted for publication 14.06.2024.

© Ю. П. Нечай, Н. О. Линке, 2024